

*Норе Причард,
от которой я впервые услышала
легенду о Земле цыгана*

В череде бегущих лет
Мы рождаемся на свет.
Ночью ль, днем — так мир сложен —
Кто-то к горю был рождён.
Днем ли, в ночь — так мир сложен —
Кто-то к счастью был рождён:
Полны света их сердца,
А другим — ночь без конца.

*Уильям Блейк.
«Прозрения невинности»¹*

¹ Пер. И. М. Бессмертной.

Книга первая

Глава 1

«В моем конце — мое начало...»¹ Мне часто приходилось слышать, как произносят эту цитату. Звучит она неплохо — только что же означает на самом деле?

Существует ли вообще такая особая точка, в которую можно уставить палец и сказать: все началось как раз в тот день, в такой-то час, в таком-то месте и с такого-то события?

Неужели эта моя история могла начаться в тот момент, как я заметил на стене паба «Святой Георгий и Дракон» объявление о продаже с молотка дорогостоящего поместья «Башни» с указанием площади владения в акрах, протяженности дороги в милях и фарлонгах² и даже снабженного весьма идеализированным изображением поместья, каким «Башни» могли быть лет этак семьдесят-сто тому назад?

Тогда я не был занят ничем особенным, просто прогуливался по главной улице Кингстон-Бишопа,

¹ Начальные слова одного из «Квартетов» американско-английского поэта, драматурга, литературного критика Т. С. Элиота (1888—1965).

² Фарлонг — мера длины, равная $\frac{1}{8}$ мили (201,16 м).

местечка не особой важности, стараясь как-то убить время. И заметил объявление о продаже. Что это было? Судьба, что ли, со своими грязными шуточками?! Или золотое рукопожатие Фортуны? Можно посмотреть на это и так, и сяк.

Или, скорее, можно было бы сказать, что начало всему было положено, когда я встретился с Сантониксом, во время наших с ним разговоров; стоит мне закрыть глаза, и я вижу его пылающие щеки, чуть слишком ярко сверкающий взгляд, движения его сильной и в то же время хрупкой руки, бросающей горизонтальные планы и вертикальные проекции, рисующей эскизы домов. Особенно одного дома, такого красивого дома, такого дома, какой было бы так замечательно иметь!

Моя мечта о доме, хорошем и красивом доме, о таком доме, какого я никогда не мог и надеяться иметь, всплыла в мое сознание и в мою жизнь именно тогда. Это стало фантазией, которую мы лелеяли вместе, — дом, какой Сантоникс построит для меня, если доживет...

Дом, где — в моих мечтах — я жил с любимой девушкой, дом, где, словно в глупенькой детской сказке, мы «жили бы долго и счастливо». Все это — чистейшая фантазия, но она-то и зародила во мне мощную волну желаний.

Или же, если эта история — история любви, а она — могу поклясться! — и есть история любви, почему бы не начать ее с того момента, как я впервые

увидел Элли, стоящую в тени темных елей Земли цыгана?

Земля цыгана. Да, пожалуй, лучше будет начать с этого, с того момента, когда я отошел от объявления о продаже, слегка поежившись, потому что тут как раз темная туча напозла на солнце, и я, довольно беззаботно, задал вопрос местному жителю, не очень старательно подстригавшему живую изгородь неподалеку от паба:

— А что это за дом такой, эти «Башни»?

До сих пор вижу перед собой странное выражение на лице старика, искоса взглянувшего на меня, и слышу его слова:

— Дак у нас тут его и домом-то никто не зовет. Разве так его звать надо? — Старик неодобрительно фыркнул. — Тут уж тыщу лет как люди не живут, а «Башнями» его только тогда и звали. — Он снова фыркнул.

Тогда я спросил старика, как он сам называет это поместье, и снова глаза на его старом, с глубокими морщинами лице метнулись от меня в сторону, как это бывает, когда говоришь с сельскими жителями — они стараются не смотреть прямо тебе в лицо, предпочитая глядеть поверх твоего плеча или куда-то за угол, будто видят там что-то, чего не видишь ты.

— В нашей округе его прозвали Земля цыгана, — сказал старик.

— Почему же его так прозвали?

— Да какие-то истории тут ходят.. Я не больно-то

знаю. Одни одно говорят, другие — другое. — Затем он продолжил: — Во всяком разе, тут то и дело несчастные случаи случаются.

— Несчастные случаи? С машинами?

— Да всякие... В наши-то дни больше с машинами. Это скверное место, скажу я вам, да и поворот там крутой, понимаете?

— Ну, — возразил я, — вполне понятно, что, если там поворот опасный, могут быть несчастные случаи.

— Сельский совет повесил там предупредительный знак, да только знак этот ни к чему хорошему не приводит, нисколечки не приводит. Как бились машины, так и бьются.

— А при чем тут цыган? — спросил я его.

Взгляд старика снова скользнул прочь, и ответ его был весьма туманным:

— Опять же, разное рассказывают. Когда-то эта земля, говорят, цыганам принадлежала. Их оттуда прогнали, а они возьми да и наложи на эту землю проклятие.

Я рассмеялся.

— Ага, — произнес он. — Хорошо вам смеяться, а только вот, по правде, есть места, всамделе проклятые. Вы, городские умники, про это не знаете ничего, а на этом месте проклятие точно наложено. Там в карьере людей убивает, когда они за камнем для стройки приходят. Старый Джорди как-то ночью свалился с краю вниз, да и шею себе сломал.

— Пьяный был? — предположил я.

— Может, и пьяный. Он не прочь был пропустить стаканчик-другой, это уж так... Да только много пьяниц падают, и здорово падают, а это им надолго вреда не приносит. А Джорди — тот сразу шею себе сломал. Там, — он указал пальцем себе за спину, на поросший соснами холм. — На Земле цыгана.

Да, думаю, так все и началось. Не то чтобы я тогда обратил на это такое уж большое внимание. Просто это мне запомнилось. Вот и всё. Я думаю — то есть когда я берусь думать про это как следует, — что я несколько преувеличивал, «закручивал» в уме этот сюжет. Не уверен, тогда же или позже, я спросил, остались ли еще цыгане в этой округе. Он ответил, что в наши дни их всюду осталось мало. Полиция всегда перегоняет их с места на место, объяснил он. Я спросил:

— Почему же никто не любит цыган?

— Дак они же все воры, — неодобрительно произнес старик. Потом взгляделся в меня попристальнее. — А в вас-то самом, случаем, цыганской крови нету? — с подозрением спросил он, уставившись прямо мне в лицо.

Я ответил, что, насколько я знаю, нет. По правде говоря, я немного похож на цыгана. Возможно, оттого-то меня так заинтриговало название «Земля цыгана». И я втайне подумал, стоя там и улыбаясь старику, беседа с которым меня позабавила, что, мо-

жет, и в самом деле есть во мне капелька цыганской крови?

Земля цыгана. Я пошел по вьющейся вверх дороге, что вела прочь из деревни и вилась все дальше вверх, сквозь темные деревья, и наконец дошел до вершины холма, откуда я мог видеть далеко вокруг. Я увидел море и корабли на нем. Вид был изумительный, и я подумал — ну, просто, как такие мысли приходят в голову, — а что, если б Земля цыгана была *моей* землей? Как это было бы? Просто так... Мысль эта была смехотворна. Когда я снова проходил мимо старика, подстригавшего кусты изгороди, он сказал:

— Если вам цыгане понадобились, дак тут, конечно, старая миссис Ли живет. Майор ей коттедж дает, чтоб жить было где.

— Какой майор? — спросил я.

Старик ответил голосом, полным возмущенного удивления:

— Дак майор Филпот, кто ж еще?

Казалось, он ужасно расстроился, что это мне неизвестно! Я сообразил, что майор Филпот был, по-видимому, местным Богом. Миссис Ли, очевидно, каким-то образом от него зависела и жила на его попечении. Представлялось, что Филпоты живут здесь всю жизнь и, так или иначе, управляют жизнью деревни.

Когда я попрощался с моим стариком, пожелав ему хорошего дня, и направился прочь, он сказал:

— У нее последний дом в конце улицы. Вы, мо-

жет, ее там, у дома, и увидите. Не любит внутри домов сидеть. Как у кого цыганская кровь есть, так они это не любят.

Вот так я и пошел вниз по дороге, тихонько навистывая и думая о Земле цыгана. Я успел почти забыть о том, что мне было сказано, когда увидел высокую черноволосую старую женщину, пристально глядящую на меня поверх живой изгороди сада. Я тотчас понял, что это не может быть кто иная, как миссис Ли.

— Говорят, вы можете рассказать мне о Земле цыгана, что там, вверх по дороге.

Женщина уставилась на меня сквозь спутанную челку густых черных волос и проговорила:

— Нечего тебе с этим делом вязаться, молодой человек. Лучше меня послушайся. Забудь о ней. Ты — красивый парень. На Земле цыгана никогда ничего хорошего не видали, и ничего хорошего от нее ждать не приходится.

— Я вижу, она продается, — произнес я.

— Ага, верно, и большим дураком будет тот, кто ее купит.

— И кто же может ее купить?

— А строитель какой-то собирается, да и не один. Она ведь задешево пойдет. Сам увидишь.

— Отчего же задешево? — с удивлением спросил я. — Такое прекрасное место...

На это женщина не захотела ответить.

— Допустим, строитель купит ее задешево, что он там станет делать?

Она усмехнулась тихонько, вроде бы про себя. Смешок прозвучал как-то неприятно, зловеще.

— Снесет старые развалины и, конечно, станет строить. Может, двадцать, может, тридцать домов построит, и каждый — с проклятием на нем.

Я пропустил мимо ушей последнюю часть предложения и откликнулся прежде, чем успел себя остановить:

— А ведь жалко будет. Очень жалко.

— А тебе-то что за печаль? Вот уж *им-то* радоваться не придется, тем, кто эту землю купит, и тем, кто кирпичи и раствор будет класть. Какой-то дурень на лестнице оскользнется, какой-то грузовик с грузом разобьется, какая-то черепица с крыши дома свалится и попадет куда надо. Да и деревья тоже, может, станут валиться под порывами ветра... Ох, вот увидишь! Никто ничего хорошего не получит от Земли цыгана! Им всем лучше оставить ее в покое.

Женщина энергично покачала головой, потом тихо, как бы про себя, повторила:

— *Не видать удачи тем, кто сунется на Землю цыгана.* И так было всегда.

Я рассмеялся. Она вдруг заговорила очень резко:

— Не смейся, молодой человек. Может случиться так, что смех твой слезами обернется. Никогда там не было счастья — ни в доме, ни на земле.

— А что случилось с домом? — поинтересовался

я. — Почему он пустовал так долго? Почему дали ему разрушиться?

— Те, кто жили в нем последними, поумирали. Все умерли.

— От чего они умерли? — полюбопытствовал я.

— Лучше это не ворошить, не поднимать об этом разговор. Только после этого никто не хотел приехать сюда, чтобы в нем жить. И он был оставлен во власти плесени и гнили. Теперь про всё это забыто, да так оно и лучше.

— Но вы могли бы рассказать мне его историю, — произнес я, пытаюсь к ней подольститься. — Вы же всё знаете.

— Я не рассказываю сплетни про Землю цыгана. — Тут ее тон изменился, она заговорила хнычущим голосом нищей уличной гадалки: — Я скажу тебе, что тебя ждет, мой красавчик; посеребри мне ручку, и я предскажу твою судьбу. Ты — из тех, кто вскорости далеко пойдет.

— Да не верю я в эту чепуху про предсказания судьбы, — ответил я, — и серебра у меня нет, во всяком случае, лишнего.

Она подошла ко мне поближе и сказала льстивым тоном:

— Дай сейчас шесть пенсов, всего шесть пенсов. Я сделаю это для тебя, красавчик. Как это? Совсем нет ничего? Я сделаю это за монетку в шесть пенсов — ты такой красивый мальчик, и язык у тебя